

Он твердо сказал:

— Хотя у меня в комнате мебель и не сучжоуской работы, инкрустированная перламутром, как из приданого госпожи Сюй, но все же весь гарнитур резной, из отборного красного дерева. Сначала перенесем его в комнату отца на первое время, а нам, младшим, сойдет и что попроще.

Он заметил, что в кладовой еще оставалась кое-какая мебель из вяза, на которой можно было перебиться пару дней. Позже он планировал позвать плотника и отдать ему эти старые вещи в качестве оплаты, чтобы тот сделал комплект мебели современного фасона — так пользоваться ею будет куда удобнее.

При описи приданого госпожи Сюй в кладовой также обнаружили старые ткани, лежавшие там несколько лет: в основном шелк и атлас, несколько рулонов сунцзянского полотна трехчелночного плетения, а также немало первоклассного меха. Цуй Се попросил матушку Чжан отобрать столько, сколько потребуется семье на одежду и постели в этом году, а остальное велел отнести в знакомый семье Цуй ломбард для оценки. Шелка и ткань оценили по два лян за рулон, а шкуры — по пять лянов за штуку, что в сумме принесло более ста лянов серебра.

С этими наличными деньгами они вполне могли продержаться в ближайшие дни.

Он наконец вздохнул с облегчением, поручил матушке Чжан разобраться с ежемесячным содержанием слуг и пошивом одежды, а сам вернулся в свой дворик. Вызвав юного слугу по имени Сунъянь, у которого еще только начинали расти волосы, он велел ему растерть тушь и расстелить бумагу, после чего продолжить писать прошение.

В прошлый раз прошение на имя императора подавалось с просьбой помиловать госпожу Сюй, а на этот раз он собирался просить цзицзю Цю Цзюня разрешить ему быть приходящим учеником.

Пиша, он невольно вздыхал про себя: ученик, который еще даже не приступил к изучению «Да сюэ», а уже просит то отпуск, то разрешение жить дома, в глазах любого наставника показался бы сплошной обузой.

Однако Гоцзыцзянь была учебным заведением полного закрытого типа с проживанием, где выходные давались лишь первого и пятнадцатого числа каждого месяца. А семья Цуй сейчас пребывала в бедности и хаосе: управляющие и приказчики поддались панике и мечтали удрать, прихватив пожитки; дедушка и госпожа Сун из года в год болящие, наложницы не имеют достаточного статуса, а младшей сестре едва исполнилось двенадцать лет...

Если он поселится в Гоцзыцзянь, то сам-то сможет спокойно учиться, но как тогда выживет вся эта семья?

Ни один ответственный мужчина не поступил бы так!

Он даже не осознавал, что снова мысленно пожурил компилятора Цуй. На следующее утро он спрятал письмо в рукав и, взяв сумку с книгами, отправился в Гоцзыцзянь на регистрацию.

Инспектор Линь Даю уже знал его. Увидев, что юноша пришел к нему, он решил, что тот явился закрыть отпуск, и произнес:

— Ты как раз вовремя. В эти дни прибыли казенные стипендиаты шэньюань из внешних

провинций, и я подобрал тебе соседей по комнате из Бэйчжили, чтобы у вас не было проблем из-за разницы в диалектах.

Цуй Се отвесил поклон и с извиняющимся видом проговорил:

— Благодарю вас за заботу, господин. Однако ваш ученик пришел для того, чтобы попросить вас передать еще одно письмо господину цзицзю с просьбой разрешить мне проживать дома и приходить на занятия каждый день.

Линь Даю изумился:

— Что у тебя дома опять стряслось?

Цуй Се со стыдом ответил:

— Вчера мой отец отправился к месту службы в Юньнань. Дома остались лишь старые и болящие дедушка и госпожа Сун, семилетний брат да незамужняя младшая сестра. Если ваш ученик будет жить при академии, боюсь, старикам и малым детям придется очень нелегко.

Инспектор Линь не удержался от восклицания:

— Тебе ведь всего шестнадцать, как же твой батюшка мог...

По закону в шестнадцать лет человек уже считался совершеннолетним мужчиной, способным содержать и опекать дедушку и госпожу Сун, так что отъезд компилятора Цуй к месту службы был вполне законен и разумен. К тому же это касалось чужих семейных дел и не нарушало государственные законы, поэтому Линь Даю не мог осуждать его открыто. Ему оставалось лишь сказать:

— Я замолвлю за тебя слово перед господином цзицзю. Заботиться о бабушке с дедушкой и опекать младших братьев и сестер — это долг сыновней почтительности и семейной морали, так что господин Цю, полагаю, войдет в твое положение. Однако учебу забрасывать нельзя, иначе, даже если я закрою на это глаза, преподаватели тебе этого не простят.

Цуй Се вздохнул с облегчением и искренне произнес:

— Премного благодарен вам за доброту, господин. Ваш ученик обязательно приложит все силы к учебе.

Инспектор Линь отправился подавать прошение о разрешении жить дома, а перед выходом указал на слугу-чжайфу, велел тому отвести юношу на экзамен в Зал Биюн.

В Гоцзыцзянь эпохи династии Мин сохранялась система обучения по отдельным классам, унаследованная со времен династии Юань, где ученики распределялись по шести залам в зависимости от уровня знаний. Вновь поступившие сначала сдавали экзамен, и по его результатам определялись в соответствующий зал: те, кто уже усвоил «Четверокнижие», но еще не овладел канонами, отправлялись в залы «Чжэнъи», «Чунчжи» и «Гуанъе»; усвоившие свой профильный канон и свободно владеющие слогом — в залы «Сюдао» и Зал Чэнсинь; а те, кто глубоко постиг как каноны, так и историю, и отличался изяществом стиля, допускались в зал «Шуайсин».

В годы правления под девизом Хунъю в Гоцзыцзянь действовала строгая система посещаемости, и лишь после семисот дней отметок ученик мог перейти в зал «Шуайсин».

Ныне же, когда продвижение по службе ценилось главным образом через кэцзюй, а воспитанники Гоцзыцзянь редко получали хорошие должности в министерствах и ведомствах, требования к посещаемости и баллам ослабли. Большинство поступивших шэньюань использовали Гоцзыцзянь лишь как трамплин, усердно готовясь к экзаменам кэцзюй.

Цуй Се вместе со всеми отправился сдавать экзамен в Восточный лекционный зал. Написав по памяти несколько отрывков из классических текстов, толкований канонов и свода «Великие установления, изданные императором», составив судебное решение, а также сочинение по «Четверокнижию» и по своему основному канону, он был зачислен во второй по уровню Зал Чэнсинь.

Пока он знакомился с учебными буднями Великой Мин, домашние слуги собрали вещи госпожи Сюй и отправили их обратно в семью Сюй.

Несколько больших телег медленно вереницей проехали через добрую половину столицы, увозя кровати, мебель и сундуки прямиком к воротам дома семьи Сюй. Жители нескольких окрестных улиц высыпали наружу посмотреть на это зрелище.

Раньше слугам семьи Цуй приходилось лебезить и искательно улыбаться при виде явившихся с претензиями членов семьи Сюй. Теперь же, хоть они и пришли вернуть вещи, их спины были расправлены, а голоса звучали громко и уверенно. Они забарабанили в ворота так, что те загремели, и выкрикнули:

— По приказу нашего молодого господина Цуй, первенствовавшего на трех экзаменах подряд, мы возвращаем в вашу почтенную усадьбу все приданое, оставленное госпожой Сюй в нашем доме!

После произошедшего с госпожой Сюй члены семьи Сюй и без того стыдились поднять глаза перед соседями, а их семейная торговля шла из рук вон плохо — именно поэтому они, переступив через гордость, и отправились требовать приданое. Однако когда все это с таким размахом привезли к их порогу, снова припомнив гнусные деяния госпожи Сюй, семья Сюй окончательно потеряла лицо.

Глава семьи Сюй хотел было выйти, но боялся сплетен и суда людского; а пока он колебался, слуги семьи Цуй закричали снова:

— Здесь приложена опись приданого госпожи Сюй, а также список серебра и украшений, которые наш господин собрал для нее, когда Цзиньвэй конвоировали ее из столицы! Просим господина Сюй принять и проверить!

Соседи и зеваки, сбегавшиеся на шум, всю обсуждали историю о том, как мачеха Сюй издевалась над пасынком, а первый ученик Цуй подал прошение о спасении матери. Их голоса звучали почти не таясь, так что в усадьбе все было слышно отчетливо и ясно.

Семья Сюй смела устраивать скандалы с Цуй Цюэ только потому, что рыльце было в пуху у обеих сторон: раздуй они ссору, и Цуй Цюэ испугался бы за свою карьеру и попытался бы сокрыть грешки. Однако Цуй Се выступал безупречной жертвой: госпожа Сюй лично призналась, что из ненависти к сыну от первой жены пыталась завладеть приданным его покойной матери, а сам он, тем не менее, подал прошение о ее спасении, проявив высочайшую верность и сыновнюю почтительность. Случись между двумя семьями раздор — виноватой однозначно признали бы семью Сюй.

Если позволить ему вот так вернуть приданое, семья Сюй не то что не сможет выдать замуж ни одну дочь — всему их семейству придется съехать из столицы!

Не имея иного выхода, глава семьи Сюй приказал отворить ворота и, сложив руки в приветствии, вымолвил:

— Моя дочь вышла замуж за род Цуй, и отныне, жива она или мертва, она принадлежит семье Цуй. Раз семья Цуй дала ей разводную, то и мне она больше не дочь, и эти вещи нашей семье Сюй не принадлежат. Забирайте все обратно и передайте первому ученику Цуй: некий Сюй плохо воспитал дочь и виноват перед ним. Пусть эти вещи послужат ему хоть малым возмещением ущерба, мы не можем их принять!

Сделав такое заявление, он собрался было затворить ворота, но Цуй Ляндун, вытянув шею, громко крикнул вслед:

— Чжубу Сюй, не говорите так! Разве не господа из семьи Сюй пару дней назад приходили к нам требовать приданое? Семья Цуй вовсе не зарится на ваше добро. Наш старший молодой господин лучше заложит собственную мебель, но до единой нитки возместит вещи семьи Сюй. Так что господин Сюй, будьте любезны, сосчитайте все хорошенько, чтобы потом снова не устраивать скандалы у наших ворот из-за якобы недостающих вещей!

Он велел носильщикам сгрузить всю мебель прямо у ворот семьи Сюй, а сыну приказал приклеить написанную опись к стене, после чего с гордо поднятой головой покинул дом семьи Сюй.

Все эти дни, пока семья Сюй ломилась в их двери с требованиями вернуть приданое, слуги семьи Цуй чувствовали себя униженными и, выходя на улицу, постоянно оглядывались, не glareют ли соседи. Но теперь, когда старший молодой господин отдал приданое, даже у слуг расправились плечи.

Оказывается, и без хозяина в доме жизнь вполне может быть хорошей!

Когда вступительный экзамен завершился, сюэчжэн Чжу Инь велел слугам раздать новобранцам новые книги, а также форменную одежду воспитанников Гоцзыцзянь, состоявшую из квадратного убора фанинь, нефритово-голубого халата ланьшань и мягкого черного пояса, и отпустил их переодеваться.

Новые ученики направились переодеваться в жилые комнаты внешнего двора. Хотя Цуй Се и не планировал жить в общежитии, он прошел вместе со всеми и прямо на чужой кровати совершенно свободно сменил одежду.

Он еще не вытянулся в росте, и плечи у него были узкими — не тот возраст, чтобы заполнить собой взрослую одежду. Халат ланьшань одного и того же размера сидел на других ладно, у него же полы волочились по полу. Ему пришлось подобрать подпол, заложить складку на талии, плотно запахнуть халат и обмотать его мягким поясом в несколько оборотов.

Другие ученики в комнате не удержались от смеха:

— Какая подтянутая прямая одежда! Наш юный друг надел ее так, что от него прямо-таки веет манерами эпохи Вэй и Цзинь!